

САМОКРИТИКА ДИАЛЕКТИКИ

Диалектику критиковали многие ее противники, начиная с Парменида и Аристотеля, включая К. Поппера и ряд личностей не столь известных. Для такой *трансцендентной* критики характерно недопонимание критикуемого предмета, а иногда и нежелание его понимать. Но, кажется, еще не звучала систематическая *имманентная* критика диалектики, а поводов для ее самокритики всегда было достаточно, и в последние десятилетия жизнь вскрыла новые проблемы диалектического учения.

Прежде всего, незрелым остается само *понятие* диалектики. Наглядно это проявляется в чрезмерном многообразии трактовок данного термина на почве разных философских традиций. Даже если оставаться в рамках основной линии «Гераклит – Сократ – Платон – Гегель – Энгельс – Ленин», заметен такой хрестоматийный признак незрелости, как смешение в одном понятии признаков разных концепций, а именно – сами представители диалектики зачастую спутывают ее с философским релятивизмом.

Насколько можно установить в наши дни, основу такого смешения заложил Платон. В одном из его диалогов Сократ цитирует по памяти: «Гераклит говорит где-то, что “все сущее течет, и ничто не остается на месте”, а еще... что “дважды тебе не войти в одну и ту же реку”» [1, с. 440]. Данный пассаж поныне воспроизводится во многих философских и иных изданиях как характеристика воззрений Гераклита и существа диалектики в целом. Но он содержит фактическую ошибку, что отметили и до нас (например [2, с. 58]).

В действительности Гераклит писал: «В одну и ту же реку дважды входим и не входим, существуем и не существуем» [3, с. 45]. В таком суждении адекватно выражается суть диалектики: признание неустранимого *единства* противоположностей, включая также бытие и небытие, устойчивость и изменчивость. Несмотря на постоянное изменение река, по Гераклиту, долго остается *той же* рекой (и вообще: остается *рекой*). А Платон упускает момент устойчивости, тем самым растворяя бытие в становлении, т.е. в непрерывном процессе возникновения и уничтожения.

Это отступление может быть понято конкретно-исторически, т. к. до встречи с Сократом Платон слушал релятивиста Кратила и мог воспринять от него искаженную трактовку теории его учителя Гераклита. Оно может быть понято и логически, т. к. идеалист Платон полагал, что в мире вещей «все течет, как дырявая скudelь» [1, с. 490]. «К учению об эйдосах пришли те, кто был убежден в истинности взглядов Гераклита, согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет», – замечал Аристотель [4, с. 327]. С одной стороны, он верно указывает на связь философии Платона с релятивистской оценкой реальности, с другой – слишком доверяет своему учителю в трактовке концепции Гераклита.

Многие античные авторы тоже толковали эту концепцию в релятивистском духе, опираясь на Платона. Особенно выразительное изложение находим у Плутарха: «...по Гераклиту, “нельзя дважды вступить в ту же самую реку”, равно как и дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии: быстрота и скорость изменения “рассеивает” и снова “собирает” ее, а лучше сказать, не снова и не после, но *одновременно* (курсив мой. – В.С.) она образуется и убывает, приближается и удаляется. Поэтому становление ее никогда не достигает бытия, так как оно не прекращается и не останавливается никогда» (*О Дельфийском Е*, 18. 392 А; см. [3, с. 49]). Как видим, вместо Гераклита цитируется Платон.

Гегель, родоначальник современной теоретической диалектики, на словах утверждал, как и сам Гераклит, *единство* бытия и небытия («ничто»), однако представлял это единство на релятивистский манер. «Их (бытия и ничто. – В.С.) истина есть, – писал он, – *движение* непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось» [5, т. 1, с. 141]. Специально рассматривая учение Гераклита, Гегель тоже цитирует не столько его самого, сколько Платона и Аристотеля. В оценке же этого учения он не только идет за Платоном, но выражает готовность пойти еще дальше с теми «последователями» Гераклита, которые утверждали, что «нельзя войти в одну и ту же реку даже однажды». «Познание, что бытие и небытие суть лишены истинности абстракции и что первым истинным является становление, представляет собой большой шаг вперед», – резюмирует Гегель. Это «достижение» он приписывает именно Гераклиту [6, с. 290], хотя фактически данная идея принадлежит Кратилу.

Высказывания Маркса и Энгельса о Гераклите более обтекаемы, но мы еще увидим, как элементы релятивизма проступают в их учении о движении и противоречии. Ленин тоже принимает платоновское «нельзя войти дважды» как якобы суть диалектики. Он сознает фактическое совпадение этой формулы с концепцией релятивиста Кратила, но готов, как и Гегель, согласиться с ним по данному пункту, хотя в целом учение Кратила не одобряет [7, с. 308].

Это смешение концепций тесно связано с распространенной традицией трактовать диалектику только как метод познания. Гераклит еще не употреблял термин «диалектика», у Сократа она выступала как искусство отыскания истины в диалоге, у Платона – как искусство работы с общими понятиями ради постижения существа вещей. Стоики называли диалектикой часть логики, которая исследует признаки истинного и лож-

* © В.Н. Самченко, Государственный университет цветных металлов и золота, 2006.

ного; но логика есть составная часть методологии познания. В средние века слово «диалектика» обычно выступало как синоним логики или обозначало совокупность правил схоластической дискуссии. Гегель тоже представлял диалектику как *логику*, хотя нового типа. Классический марксизм трактовал ее шире – как учение о законах развития и связи; но основания этого учения фактически сводил к самим принципам и законам диалектики, т.е. к некому формальному набору аксиом.

Для официальной марксистской и современной постмарксистской философии особенно характерна трактовка диалектики как именно и только метода познания либо стиля мышления. В частности, И. Сталин неоднократно и подчеркнуто отделял «диалектический метод» марксизма от его «материалистической теории». «Почему эта система называется диалектическим материализмом? Потому что метод ее – диалектический, а теория – материалистическая», – писал Сталин еще в 1906 году [8, с. 298]. Его известная работа «О диалектическом и историческом материализме» (1938) начинается со слов: «Диалектический материализм... называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория – *материалистической*» [9, с. 574–575]. И в наши дни авторитетное отечественное издание определяет диалектику как «логическую форму и всеобщий способ рефлексивного теоретического мышления» [10, с. 645].

Однако от метода и логики требуется только некоторая *функция*, а сходные функции могут выполняться различными структурами. Например, диалектике присуще вскрывать противоречия; но тот же прием использует Зенон Элейский в своих апориях, обосновывая предельно метафизическую (в смысле антидиалектики) концепцию иллюзорности движения. В этой связи Аристотель назвал Зенона «изобретателем диалектики» и был по-своему прав. Известно, что в основе метода должна лежать определенная картина мира, но в традиционной диалектике суть этой картины остается непроявленной, видимо, потому, что диалектикам-идеалистам и диалектикам-материалистам трудно согласиться относительно такой общей картины.

Независимый анализ оснований любой концепции приводит к ее историческим истокам. В данном случае это спор между учениями Гераклита, Парменида и Кратила об отношениях *бытия и небытия*, в котором впервые прослеживаются различия диалектики, метафизики и философского релятивизма. Однако нам придется реконструировать интересующие нас моменты данного спора, поскольку сами спорящие не выделяли их специально. Ведь основания любой науки осознаются не в период ее возникновения, а только на достаточно высоком уровне ее зрелости.

В этой реконструкции мы опираемся на простое соображение. Когда мысль поднимается до выделения категорий бытия и небытия (что в Европе произошло в VI–V вв. до н. э.), она неизбежно констатирует, что все предметы повседневного опыта имеют лишь *относительное бытие*. Ведь все они ограничены во времени, в пространстве, по виду, по качеству и т. д., т.е. с разных сторон *причастны к небытию*. Вместе с тем явления общего характера, т.е. *сущности* (виды, роды, классы, субстанции), выглядят менее ограниченными и более устойчивыми в своем бытии. Естественным образом возникает вопрос: есть ли в мире нечто абсолютное, т.е. нечто совсем не причастное к небытию?

Мы называем данный вопрос *проблемой абсолюта* и полагаем, что диалектику, метафизику и философский релятивизм, на самом глубоком уровне их понимания, можно представить как решения данной проблемы. При этом названные концепции как бы эксплицируются: в их трактовке не возникает радикальной новизны, но появляются существенные уточнения. Поскольку основная задача этой статьи – критическая, мы здесь обозначим указанные решения только вкратце.

Метафизика выступает в данном аспекте как учение, признающее некий *абсолют* – универсальную сущность, которая порождает и контролирует все предметы и явления. *Философский релятивизм* отрицает абсолют и отсюда прямолинейно заключает, что все в мире *только относительно*. В силу этого релятивист растворяет бытие в становлении. *Диалектика* полагает, что абсолюта как такового нет, но относительность тоже относительна. Тем самым оказывается, что в мире все же есть *момент абсолютного*, который представлен объективной общностью и преемственностью явлений и возникает в силу их всеобщей связи (подробнее см. [11, с. 85; 12, с. 114–132]).

При таких определениях нельзя спутать диалектику с релятивизмом. Зато подчеркивается несовместимость рациональной диалектики с признанием абсолюта, а это вряд ли устроит философов-идеалистов, считающих себя диалектиками. Между тем нельзя запретить им пользоваться диалектическим методом, как нельзя запретить принципиальному пацифисту пользоваться ножом, топором, монтажным пистолетом и карьерной взрывчаткой. Следовательно, у извращений понятия диалектики остаются существенные корни. Но это дела политические, а мы говорим о делах научных.

Незрелость понятия отражается и в состоянии диалектики как учения; но начнем мы эту часть статьи с анализа *структуры* данного учения. Обычно выделяют: два *принципа* диалектики – принцип развития и принцип всеобщей связи; три ее основных *закона* – единство и борьба противоположностей; взаимный переход количественных и качественных различий; отрицание отрицания. Однако первый из названных законов существенно отличается от двух других. Он не устанавливает, как другие законы, отношений между категориями определенного ряда, но лишь утверждает некий *факт* общего характера.

Каков именно этот факт, пояснить непросто, т. к. в традиционной диалектике принято характеризовать ее положения не конкретными определениями, а «гибкими» описаниями. Нам придется на свой страх и риск дать формулировку «закона» единства и борьбы противоположностей: все возникает путем неизбежного деления единого на противоположности, которые постоянно борются между собой, но при этом их сущностное единство сохраняется.

Такое утверждение нельзя вывести внутри диалектики или из других теорий, а категории единства и борьбы, на которые оно опирается, определяются нестрогим или вообще не поддаются дефиниции. Логично заключить, что перед нами не закон диалектики, а один из ее принципов. На наш взгляд, это именно исходный принцип диалектики – не случайно данное положение называют ее «ядром и сущностью». Ведь из него, в принятой выше формулировке, можно вывести оба других принципа диалектики.

Действительно: если всякое единое непременно делится, то делятся и результаты каждого акта деления; следовательно, сами они и все целое должны постоянно изменяться в направлении дифференциации. Если противоположности борются, это по мере дифференциации предмета ведет к нарастанию и обострению противоречий, а затем и к гибели данного предмета. Тем самым задан принцип развития как *направленного предметного* изменения. Если же продукты развития всегда сохраняют некое единство, тем самым уже задан принцип всеобщей связи. Причем такая фундаментальная связь не исчезает и при отсутствии энергетического причинного взаимодействия.

Единство борющихся противоположностей обозначают как *диалектическое противоречие*. Это также нетривиальная категория. Приверженцы метафизики считают, что противоречия могут быть только в ложном сознании, когда нарушаются правила мышления. Представителям традиционной диалектики трудно оспаривать такую точку зрения, т. к. своеобразие диалектического противоречия ими не до конца осознано. Причем затруднения в его осознании обусловлены именно релятивистским уклоном традиционной диалектики, – хотя, конечно, никто из классиков диалектики *последовательным* релятивистом не был.

В частности, Гегель справедливо полагал, что противоречие никогда не ждет своего разрешения; тем самым уже фактически отрицается наличие в самой реальности «голых» формально-логических противоречий. Но он же писал: «Двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, – следовательно, находиться в обоих местах одновременно...» [6, с. 282]. Здесь явно утверждается формально-логическое противоречие с его характерными признаками: непосредственным соединением противоположностей в том же отношении и в тот же момент времени. Эту трактовку движения воспроизводят за Гегелем и Энгельс, и Ленин [7, с. 232]. Однако с ней ни согласится не один современный физик, т. к. нахождение в двух разных местах *одновременно* требует признать в общем случае бесконечную скорость движения тел (подробнее см. [11, с. 84]). Подобные парадоксы сильно подрывают авторитет диалектики в глазах естествоиспытателей.

К. Маркс тоже начинает с верного замечания, что отношение противоположностей всегда опосредствуется некой формой движения, но тут же пишет (о движении планет вокруг Солнца): «В том, что одно тело *непрерывно падает* на другое и *непрерывно же удаляется* от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие *одновременно* и осуществляется и разрешается» (курсив мой. – В.С.) [13, с. 113–114]. Однако сказать, что планета *непрерывно* падает на Солнце и *одновременно* удаляется от него, можно только *метафорически*.

Как видим, именно в важнейшем вопросе науки – вопросе о сущности движения – и в важнейшем вопросе своей собственной теории – вопросе о сущности диалектического противоречия – традиционная диалектика сбивается на релятивистское растворение бытия в становлении и приходит в резкое противоречие с современным естествознанием.

Вместе с тем указанные противоположные моменты в движении планеты действительно присутствуют, они *равно существенны*, необходимо сменяют друг друга и превращаются один в другой. Утверждение Гераклита «В одну и ту же реку дважды входим и не входим, существуем и не существуем» пришлось бы тоже считать ошибочным, если не учитывать, что утверждение и отрицание здесь берутся в разном, но при этом – в *равно существенном* отношении. Мы дважды входим в реку, *одну и ту же* в ее главных чертах, но уже *различающуюся* в деталях; мы существуем *здесь и сейчас*, но, в силу относительности нашего бытия, не существуем *там и тогда*, и т. д.

Аристотель замечал в той же связи, что Гераклит недостаточно вникает в свои собственные слова (см. [4, с. 280]). И вновь Аристотель по-своему прав. Но обвинять Гераклита было бы не совсем корректно: известно, что его учение носит еще созерцательный и стихийный характер (кстати, именно поэтому оно так легко извращается). «Отец диалектики» вообще не столько вникал в смысле научного анализа, сколько *вещал*, – зато вещал гениально. «Сынам» же его полагается *вникать*, а это действие приводит, на наш взгляд, к следующим выводам.

В реальности *действительно нет* противоречий как непосредственного столкновения противоположных свойств и явлений в одном и том же отношении, в одно и то же время. Точнее, такое «голое» противоречие мы застигаем только в момент смертельного кризиса предмета. Конечно, этот кризис тоже есть *процесс* в реальности, но процесс не в масштабах эволюции, а только в масштабах становления. Например, при столк-

новении электрона и позитрона может образоваться так называемый позитроний, подобный атому водорода; но он существует не более чем 10^{-7} с, а затем происходит взаимная аннигиляция частиц вещества и антивещества.

Можно заключить, что конструктивное диалектическое противоречие определяется не на уровне *явлений*, а на уровне *сущности*. В традиционной диалектике признается, что сущность вещей всегда двойственна; мы уточняем, что противоречиво-двойственна *только* сущность, но не явление, взятое как конкретная, чувственно воспринимаемая манифестация данной сущности. Разумеется, при этом не следует забывать об относительности различия между сущностью и явлением.

В категориальном аппарате диалектики есть еще немало проблем. Некоторые из них мы рассматривали в других публикациях. Здесь особенно отметим идею замены гегелевского «снятия» в реальном процессе развития отдельной стадией *реставрации* [11, с. 89–90], рациональное определение категорий количества и качества и попытку сформулировать основные диалектические законы связи [12, с. 107, 114–132]. Занимать же читателя частными вопросами – мало смысла, пока не достигнуто общественно признанное решение принципиальных проблем.

Кроме того, к негативной оценке диалектики часто приводят не ее внутренние недостатки, а ее специфические отношения с наукой и обществом, но этот сложный и деликатный вопрос требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Соч.: в 3 т. Т. 1 / Платон. – М., 1968. – 623 с.
2. Рассел Б. История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: в 2 т. Т. 1 / Б. Рассел. – Новосибирск, 1994. – 460 с.
3. Материалисты Древней Греции / под ред. М.А. Дынника. – М., 1955. – 238 с.
4. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1 / Аристотель. – М., 1976. – 446 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970–1972.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 1 / Г.В.Ф. Гегель. – СПб., 1994. – 349 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: 5-е изд. Т. 29 / В.И. Ленин. – М., 1963. – 752 с.
8. Сталин И.В. Соч.: в 13 т. Т. 1 / И.В. Сталин. – М., 1946. – С. 275–316.
9. Сталин И.В. Вопросы ленинизма: изд. 11-е / И.В. Сталин. – М., 1952. – 560 с.
10. Михайлов Ф.Т. Диалектика / Ф.Т. Михайлов // Новая философская энциклопедия. – Т. 1. – М., 2000. – С. 645–652.
11. Самченко В.Н. Диалектика и современность / В.Н. Самченко // Доклады Академии наук высшей школы России. – 2005. – № 1 (4). – С. 83–92.
12. Самченко В.Н. Основные аспекты философии: учеб. пособие / В.Н. Самченко. – Красноярск, 1999. – 169 с.
13. Маркс К. Соч.: 2-е изд. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1960. – 907 с.
14. Баргатин И.В. Запутанные квантовые состояния атомных систем / И.В. Баргатин, Б.А. Гришанин, В.Н. Задков // Успехи физич. наук. – 2001. – Вып. 6. – С. 625–646.
15. Базаров И.П. Почему вероятность входит в физику, и критика концепции вероятностной причинности / И.П. Базаров, П.Н. Николаев // Вопросы философии. – 1986. – № 7. – С. 137–146.
16. Современный детерминизм и наука: сб. статей; в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.А. Свечникова. – Новосибирск, 1975. – 320 с.
17. Ляхов И. Связь / И. Ляхов // Философская энциклопедия. – Т. 4. – М., 1967. – С. 570–571.
18. Свидерский В.И. О диалектике отношений / В.И. Свидерский. – Л., 1983. – 137 с.
19. Сокулер З.А. Спор о детерминизме во французской философской литературе / З.А. Сокулер // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 140–149.
20. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei. – 40 Auflage / K. Marx, F. Engels – В., 1975. – 108 S.